

Скипина И. В. Феномен «Пермской катастрофы» 1918 года в оценке современных исследователей гражданской войны в России / И. В. Скипина, В. В. Московкин // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 451—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468.

Skipina, I. V., Moskovkin, V. V. (2020). The Phenomenon of “The Perm disaster” of 1918 in the Assessment of Modern Researchers of the Civil War in Russia. *Nauchnyi dialog, 1*: 451-468. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468. (In Russ.).

УДК 94(470.53)“1918”+930(47)“20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468

ФЕНОМЕН «ПЕРМСКОЙ КАТАСТРОФЫ» 1918 ГОДА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

© Скипина Ирина Васильевна (2020), orcid.org/0000-0001-7061-1403, SPIN 6537-8614, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), i.v.skipina@utmn.ru.

© Московкин Владимир Васильевич (2020), orcid.org/0000-0001-8115-1975, SPIN 3864-6126, доктор исторических наук, научный сотрудник Сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии», федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), v.v.moskovkin@utmn.ru.

Статья посвящена особенностям освещения феномена «Пермской катастрофы» современными исследователями Гражданской войны в России. Целью статьи является анализ публикаций, вышедших в свет в последнее десятилетие, по истории военной операции под Пермью в декабре 1918 года, подведение итогов и определение перспектив исследования данного вопроса. Отмечается, что историки установили причины, ход и итоги операции. Сообщается, что сегодня она рассматривается как пролог кардинального изменения положения на Восточном фронте. Авторы утверждают, что в результате пермской операции современники стали свидетелями не только поражения Красной армии, но и проявления мощи большевистской диктатуры. Обобщаются выводы, сделанные исследователями: пермские события привели к обострению военной, социально-экономической, политической ситуации на Восточном фронте, оказали негативное воздействие на повседневную жизнь. Показано, как современные историки определили значимость этих событий для их участников: большевики пришли к решению об усилении террора, белые — к выводу о необходимости проведения генерального наступления, население — к пониманию мира как важнейшей жизненной ценности. Подчеркивается, что наиболее перспективным в изучении темы стал комплексный подход, основанный на отказе от политизации и мифотворчества революционного прошлого.

Ключевые слова: «Пермская катастрофа»; Гражданская война; Колчак; историография; Красная армия; Восточный фронт; большевики; 1918.

1. Введение

Столетие Гражданской войны повысило интерес к этому глобальному событию, оказавшему влияние на весь ход мировой истории. Ученые единодушны в том, что война как социально-политическое явление нуждается в дальнейшем изучении, в том числе и военных операций, от которых во многом зависел ее исход. Это знание о прошлом необходимо не только для понимания его сущности, но и его последствий.

Цель статьи — выявить достижения и перспективные направления современной историографии пермских событий, произошедших на Восточном фронте зимой 1918—1919 годов. Задачи статьи: показать основные этапы изучения феномена «Пермской катастрофы»; подчеркнуть неугасающий интерес историков к этому событию; представить современную историографию проблемы как новый период в оценке «катастрофы», отличающийся комплексным подходом, смысловой насыщенностью и перспективными планами дальнейших разработок. В статье использованы следующие методы: систематизация, сравнительно-исторический и ретроспективный анализ, персонификация, множественность интерпретаций. В основе исследования лежит принцип использования непротиворечащих друг другу элементов цивилизационного и модернизационного подходов.

2. Основные этапы изучения феномена «Пермской катастрофы»

Термин «*Пермская катастрофа*» впервые был использован партийно-следственной комиссией в составе И. Сталина и Ф. Дзержинского в отчете Совнаркому для описания ситуации, сложившейся после оставления Перми Красной армией в декабре 1918 года. Его подхватили исследователи — современники Гражданской войны, жившие в разных социально-политических системах, в которых формировались разные исторические школы и методологии, не связанные между собой из-за непреодолимых политических барьеров. Историографы выяснили, что в 1920 — начале 1930-х годов внимание авторов было сосредоточено на военной стороне проблемы и освещении роли И. Сталина в пермских событиях. Историки объясняли поражение Красной армии растянутостью частей, ослаблением «пролетарского ядра», превосходством врага в боевой силе и технике, отсутствием резервов, слабой согласованностью действий и изменениями военспецов. Авторы не учли, что большинство уральских крестьян поддерживало контрреволюцию, способствуя успеху Белой армии зимой 1918—1919 годах [Васьковский, 1981, с. 28]. Судя по публикациям участников белого движения, зима 1918—1919 годов на Восточном фронте стала временем подготовки к решительной схватке [Петров, 2004, с. 18]. Взятие Перми на них произ-

вело сильное впечатление, сопровождавшееся сожалением о том, что эта победа не получила развития [Сахаров, 1923, с. 51]. Некоторые отмечали, что управление войсками в Красной армии налажено лучше, чем в Белой. Белый генерал Г. И. Клерже пришел к заключению, что страной правит коммунистическая партия, отстаивающая самые строгие порядки [Клерже, 2012, с. 231—232]. Одни удивлялись тому, что колчаковцы не преследовали красных на западе — в направлении на Вятку. Другие считали, что белые не имели разработанного плана ведения военных операций [Будберг, 1993, с. 340]. Современные историографы подчеркивают, что в публикациях 1920 — 1930-х годов пермскую операцию, начавшуюся 29 ноября 1918 года и завершившуюся в конце января 1919 года, авторы называли катастрофой, занявшей центральное место в решении вопроса о дальнейших действиях как Красной, так и Белой армии, в результате которой колчаковцам не удалось развить наступление на Вятку, и они сосредоточились на уфимском направлении.

Советские историки 1930-х — первой половины 1950-х годов писали, что на Восточном фронте решалась судьба революции, а направление Пермь — Вятка — Котлас стало для белых, намеревавшихся воссоединиться с англичанами и овладеть Москвой, решающим. Историки обращали особое внимание на ошибки, допущенные Главнокомандующим И. Вацетисом, говорили о дезорганизующем воздействии на командование фронта Л. Троцкого. Поражение под Пермью виделось им катастрофой, от которой большевики быстро оправались при активном участии Сталина. О. А. Васьковский писал об ошибочном, противоречащем действительности заключении ученых о том, что пермское направление было решающим на Восточном фронте, являющимся шагом назад по сравнению с оценками этого факта, изложенными в более ранних работах [Васьковский, 1981, с. 60]. Публикации, вышедшие за пределами советской России, во многом зависели от методологических установок их авторов. Историки-марксисты, соглашались с мнением советских ученых, а исследователи, придерживающиеся иных теоретико-методологических установок, в основном опирались на воспоминания эмигрантов-участников событий. В публикациях все четче просматривалось убеждение авторов в усилении пролетарской диктатуры, особенно проявившееся после зимних операций 1918—1919 годов.

Вторая половина 1950 — 1980-е гг. характеризовались перемещением внимания от анализа военных аспектов событий к социально-политическим. Значимый вклад в исследование рассматриваемой проблемы внесла уральская историографическая школа во главе с О. А. Васьковским. Ученые характеризовали пермскую операцию как имеющую существен-

ное значение для обеих сторон и были уверены в том, что поражение под Пермью для красных не являлось катастрофой. Большинство исследователей стали употреблять термин «пермская операция». Для них это была неудачная операция Красной армии, от которой она быстро оправилась, в это время Восточный фронт не являлся главным фронтом республики и центр тяжести военных действий переместился на Юг [Васьковский и др., 1984, с. 6]. Советские войска, по мнению И. С. Капцуговича, «... так измотали и обескровили противника, что его наступательный порыв значительно угас» [Капцугович, 1969, с. 67]. Выводы отечественной и зарубежной историографии во многом не совпадали. За рубежом преобладало мнение о том, что большевики не поддерживались населением, да и колчаковцы, не имевшие планов на будущее, надеявшиеся на иностранную помощь, теряли популярность. Авторы подвергали белых критике за непоследовательность и ошибки, объясняя победу большевиков умелым руководством и многочисленной армией, которую им удалось создать [Кенез, 1996].

1990—2000-е годы стали новым этапом в изучении проблемы, характеризующимся «методологическим прорывом» [Полторацк, 2014], переходом к многофакторности анализа проблемы [Скипина, 2003], развитием научных школ [Камынин и др., 2004]. Появились публикации об отдельных видах исторических источников, важных для исследования темы, особое внимание стало уделяться периодической печати [Обухов, 2012], в том числе и зарубежной прессе [Волков и др., 2016]. Этот период положил начало формированию транснациональной историографии [Голдин, 2012]. Появилась возможность знакомиться с работами зарубежных коллег, дискутировать, рассматривать события Гражданской войны на фоне мировых [Брентон, 2017, с. 21]. Авторы вновь обратились к оценке деятельности И. Сталина и его соратников на Восточном фронте [Войтиков, 2017], а также лидеров белого движения [Бордюгов и др. 1998]. В историографических трудах выявились разноплановые тенденции в изучении темы — одни основаны на переоценке предшествующей историографии и постановке новых проблем, другие продолжают сложившуюся традицию в изучении вопроса. Многочисленные дискуссии в этом отношении вызывают работы Б. Н. Миронова, его оппонентов Б. П. Булдакова и Т. Г. Леонтьевой [Миронов, 2013; Булдаков и др., 2015]. В современных публикациях наметились основные направления изучения пермских событий. В их числе дальнейшая разработка военных и социально-экономических аспектов пермской трагедии, рассмотрение ее как гуманитарной катастрофы, исследование роли лидеров борющихся сторон в произошедшем, изучение воздействия этих событий на трансформацию идентичности.

3. Исследование военных аспектов «Пермской катастрофы» на современном этапе историографии

Историки продолжают изучение военных аспектов «Пермской катастрофы», соглашаясь с предшественниками в том, что оставление Перми 24 декабря явилось одним из крупных поражений Красной армии. Масштабы потерь хорошо известны историкам. Н. С. Ларьков пишет, что в период с 22 по 29 декабря советская сторона потеряла 8 тысяч убитыми, ранеными, без вести пропавшими. Материальные потери составили 29 орудий, 10 тысяч снарядов, 8 миллионов патронов, 297 паровозов, 3000 вагонов, 900 тысяч пудов нефти и керосина, 150 вагонов продовольствия и другого имущества. На сторону белых перешли несколько частей Красной армии [Ларьков, 2017, с. 115]. Современные исследователи согласны со своими предшественниками в том, что пермские события повлияли на ход Гражданской войны, и считают, что поражение приостановило наступление красных на северном участке Восточного фронта [Ратьковский, 2016, с. 110]. Однако Красная армия продемонстрировала способность быстро восстанавливаться после поражения и вскоре одержала крупную победу на Южном участке. Успех кардинально не изменил положение белых: им не удалось развить наступление и объединиться с английскими войсками, наступавшими со стороны Архангельска.

События 1918 года сегодня закономерно ассоциируются с изменениями, происходившими в мире. Ю. А. Петров считает необходимым рассматривать Гражданскую войну в России как следствие Первой мировой войны [Петров, 2018, с. 7]. Успехи Колчака этого периода многие авторы связывают с усилением помощи белогвардейцам со стороны стран-победительниц. Однако подчеркивают: это не привело к быстрой и окончательной победе над большевиками, война затягивалась [Холквист, 1999, с. 83—84]. Несомненно, мировые события не могли не влиять на внутренне состояние страны. Большевики надеялись, что в Германии произойдет революция, но их предположения не оправдались. Изучив сложившееся положение, С. В. Волков пришел к заключению: большевики не сложили руки, а делали все для победы в Гражданской войне, активно привлекали на свою сторону старых специалистов [Волков, 2002, с. 73]. При этом искренняя поддержка революции офицерами была редким случаем, считает А. В. Ганин, развал государства и армии чаще воспринимался ими как личная трагедия [Ганин, 2016, с. 13, 20, 25]. Именно поражение под Пермью, по утверждению И. Ратьковского, привело большевистское руководство к мысли о необходимости действовать жестко по отношению к офицерству, вплоть до расстрелов и массовых репрессивных расправ [Ратьковский, 2016, с. 116].

Историкам очевидно, что неудачи красных на Восточном фронте во многом обуславливались не только просчетами военных, но и социальными, политическими, экономическими причинами, без анализа которых вряд ли удастся объективно оценить сложившееся положение. Документальные свидетельства позволили Д. Г. Симонову доказать, что одной из решающих причин неудач 3-й Красной армии под Пермью стала деятельность контрразведки и белогвардейских партизанских отрядов, которые активизировали антибольшевистскую настроенность населения Пермской губернии [Симонов, 2010, с. 380], в то время как Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) не обладала разведывательной структурой и занималась выявлением фактов шпионажа в учреждениях и частях Красной армии [Кирмель, 2007, с. 61]. Современные историки отметили важность пермских событий в переоценке ситуации борющимися сторонами, в итоге это привело лидеров большевиков к усилению террора, а белых к подготовке генерального наступления.

4. Освещение современными историками социально-экономической стороны пермской трагедии

Исследователи уделяют значительное место освещению социально-экономического положения по обе стороны фронта, считая, что военные события находятся с ними в прямой зависимости. После прихода к власти Колчака 18 ноября 1918 года, отмечают ученые, произошли важные изменения ситуации в стране, стало очевидно, что «третий путь» развития страны оказался невозможен, террор стал будничным явлением [Нарский, 2001, с. 236]. Экономическая политика режимов была направлена на удовлетворение нужд фронта. Верховный правитель, сделав ставку на военное решение проблемы, утратил связь с населением [Домовитова, 2014, с. 46]. На подконтрольной большевикам территории к декабрю 1918 года также утвердилась диктаторская власть, которая сопровождалась террором и активной пропагандой преимуществ «диктатуры пролетариата» над «диктатурой буржуазии» [Ратьковский, 2017, с. 286—287]. Нельзя не согласиться с авторами, утверждающими, что террор был характерен для всех участников противоборства [Ратьковский, 2018, с. 8]. Исследователи приводят многочисленные доказательства проявления гуманитарной катастрофы на Урале. И. В. Нарский уверен, что применение властями насилия, поборов по отношению к мирному населению заставляло людей задуматься о своем будущем и будущем страны [Нарский, 2018, с. 48]. «Пермская катастрофа» стала переломным моментом в плане решения вопроса поведения в сложившейся ситуации. Обстановка в районе Перми оказалась мало предсказуемой, насе-

ление вынуждено было выжидать, адаптируясь к быстро меняющейся ситуации. И. Плотников, написавший, что весной 1919 года крестьянство Урала окончательно повернулось в сторону большевиков, поторопился [Плотников, 1994, с. 8]. Люди, даже пережив ужасы и белой, и красной диктатуры, испытывали трудности в решении вопроса о самоопределении. По мнению О. С. Поршневой основная масса населения не желала участвовать в войне [Поршнева, 2013, с. 50]. Данный тезис вполне обоснован и объясняет поведение людей, не имеющих четкой политической позиции зимой 1918—1919 годов, надеявшихся впоследствии поддержать тех, кто сможет создать условия для стабильного существования.

В настоящее время в центре исследований находятся истории рядовых участников событий. Ученые уверены, что повседневная жизнь во многом определила исход борьбы, от нее зависели настроения сторон и воля к победе, а растущие трудности приводили простых людей к мысли о мире как главной жизненной ценности. Пермская трагедия стала рассматриваться как явление многоплановое, как критический момент, ухудшивший не только положение большевиков, но и в целом ситуацию по обе стороны фронта. Событие, судя по всему, стало катализатором кризиса идентичностей, предопределив новые социальные тенденции, требующие дальнейшего изучения.

5. Верхушка противоборствующих сторон в оценке современных историков

О значимости событий на Восточном фронте свидетельствует факт посещения места пермской операции лидерами красного (Сталин, Дзержинский) и белого (Колчак) движений, за чем последовали важные решения, приведшие в марте 1919 года к военным столкновениям, определившим дальнейший ход войны. Сегодня активно исследуется роль лидеров противоборствующих сторон в трагических событиях. Авторы обращаются к фигуре И. Сталина, старясь объективно оценить его деятельность [Хлевнюк, 2015]. Получила свежую оценку миссия советских руководителей в Перми зимой 1919 года [Войтиков, 2013]. Авторы отметили результативность усилий И. Сталина по преодолению последствий «Пермской катастрофы» и восстановлению боеспособности частей Красной армии [Дубинин, 2009]. В итоге историки пришли к выводу, что пермская экспедиция укрепила позиции Сталина и привела к налаживанию его товарищеских отношений с Дзержинским [Ратьковский, 2016, с. 114]. С. С. Войтиков отметил завершение противостояния лидеров, имевшее место в 1918 — начале 1919 годов, победой И. Сталина [Войтиков, 2014, с. 43].

Не остается без внимания и авангард белого движения. Ряд публикаций последних лет посвящен Верховному правителю [Кручинин, 2010], его взглядам и идеологии [Хандорин, 2017]. Появились специальные работы о А. Пепеляеве, считающемся архитектором «Пермской катастрофы» [Звягин, 2012]. В центре внимания ученых продолжает оставаться фигура Колчака, большинство из них считает, что диктатору не доставало твердости и организаторского опыта, это особенно ярко проявилось в области гражданского управления [Пайпс, 2005]. Сразу после пермской операции образ Верховного правителя, по мнению В. В. Журавлева, приобрел вождистский характер. На фоне успехов белых на Восточном фронте сторонникам Колчака удалось создать портрет успешного военачальника, который стал знаменем и выразителем идеологической платформы контрреволюции [Журавлев, 2017, с. 28]. Историки едины в том, что лидеры белых так и не смогли представить конструктивной, привлекательной большинству населения программы, выдвинув лозунг «непредрешения» будущего общественного развития России. Не удалось и объединение белого движения, что порождало неуверенность союзников в устойчивости военной диктатуры [Шлемев, 2017, с. 39—40]. Превосходство политических и военных лидеров красных, которые имели четкие планы и доносили их населению, Э. Модсли считает одной из основных причин их победы в Гражданской войне [Модсли, 2017, с. 230]. В представлении современных исследователей даже заметные участники белого движения, как правило, не являлись харизматичными людьми. Особой привлекательностью, по их мнению, выделялся А. Пепеляев, который был близок с солдатами и командирами, именно ему они отдают пальму первенства в успехе пермской операции [Ларьков, 2017, с. 102]. В отличие от большевиков, утверждают многие историки, лидеры белого движения имели авторитет в военном деле, но слабо разбирались в политических вопросах. В свою очередь большевики, являясь менее подготовленными в военном отношении и более сильными в идеологическом плане, вынуждены были привлекать специалистов царской армии, но при этом постоянно контролировать их благонадежность.

В изучении персоналий исследователи сделали достаточно много, но намечившийся «антропологический поворот» нельзя считать законченным, важно показать специфику и значимость индивидуальных решений в условиях гражданского противостояния, остаются актуальными вопросы о кризисе самоидентичности, пережитом представителями разных политических лагерей и взглядов, характерном для эпохи революционных перемен.

6. Современные исследования о роли идеологии в противостоянии сторон

В XX веке на смену традиционным войнам пришли идеологические, чего не понял Колчак и его союзники, считая, что победу над большевиками можно одержать исключительно на поле боя [Московкин, 2018, с. 286]. Отсутствие единства в Белом движении выявилось в процессе обсуждения их лидерами дальнейших военных действий, которое состоялось после завершения Пермской операции. М. А. Облицов объясняет дискуссии белогвардейской элиты по вопросу определения главного удара несогласованностью общей цели, хотя цель могла бы сплотить сторонников Колчака [Облицов, 2018, с. 116]. И это в то время как коммунисты, при участии многочисленных агитаторов, работали с населением, объясняя рядовым гражданам, что их «классовые интересы» далеки от белогвардейских идеалов, таким образом, пропагандистская машина большевиков закладывала дальнейшие победы Красной армии. Лидеры белого движения не смогли быстро отреагировать на вызов времени, сделав идеологию действенной силой своего движения. По мнению М. Г. Нечаева, пропагандистская машина Колчака работала менее эффективно, чем большевистская [Нечаев, 2004, с. 244]. По мнению Р. Пайпса, белое движение потерпело неудачу прежде всего по причине идеологического банкротства, крайней контрреволюционности, неспособности понять чаяния народа [Пайпс, 2005, с. 68—69]. В. П. Булдаков считает, что большевики представили свой проект преодоления общественных противоречий, который вызывал доверие у значительной части населения в первую очередь своей новизной [Булдаков, 2017, с. 152]. Советские лидеры действительно предложили альтернативу старой одряхлевшей системе, предлагаемой белыми.

П. Холквист, по мнению которого война была тесно связана с новыми достижениями в политике управления массами, отстаивая тезис о самомобилизации общества, поставил вопрос о деятельности органов «осведомления», задача которых состояла в изучении настроений населения. Он пишет, что с осени 1918 года армейские политотделы регулярно составляли донесения о настроениях в воинских частях и вели постоянное наблюдение за гражданским населением в тылу. Система осведомления вскоре «расползлась» по всем «закоулкам» советского государственного аппарата, помогая большевикам усиливать роль идеологии в военном противостоянии [Холквист, 1999, с. 92]. В то же время учеными пока слабо исследуются практики политической и идеологической борьбы, которые использовали порожденные революцией общественные организации, взявшие на вооружение радикальные идеологии. Лидеры стремились различными

средствами склонить людей к поддержке своих взглядов, в том числе используя любой повод для мифологизации революционных событий.

7. О постановке проблемы идентичности в новейшей историографии

Проблемы идентичности по-прежнему принадлежат к числу малоисследованных, хотя историкам понятно, что от самоопределения людей во многом зависел исход войны. Ученые отмечают, что взятие белыми Перми представлялось А. Колчаку началом перелома в ходе войны. Однако «катастрофа» показала, что решающего успеха белые не достигли, так как усматривали источники побед в военной сфере, в помощи из-за рубежа, а не в доверии и поддержке народа, который в это время делал выбор между властями, стараясь уклониться от войны, о чем свидетельствует рост дезертирства из армейских частей. Бегство офицеров и солдат от красных к белым и наоборот авторы связывают с массовыми мобилизациями [Долгова, 2016, с. 16]. Историки подошли к пониманию того, что зима 1918—1919 годов стала временем раздумий, поиска идентичности, когда солдаты, будучи в большинстве своем крестьянами и рабочими, осознали, что главное реальный, а не обещанный мир, и они постепенно приходили к заключению о необходимости поддерживать тех, кто ближе к мирному решению насущных проблем.

В последнее время исследователи уделяют большое внимание вопросу самоопределения бывших офицеров. Одни пишут, что к середине 1918 года российское офицерство перестало существовать как единое сообщество и было разделено не только фронтами, но и предстало социально, морально и идейно разобщенным [Гребенкин, 2015, с. 473—478]. Другие представляют самоопределение военных сложным процессом. В большинстве своем, считают эти авторы, офицеры и солдаты думали, что не изменили присяге и продолжали служить Родине, делая выбор в пользу советской власти. В Красной армии выплачивали довольствие, которое помогало выжить в трудных условиях, но офицеры, пишет А. В. Ганин, нередко убежали от большевиков при первой же возможности [Ганин, 2016, с. 528]. Поведение офицерской элиты, считает С. И. Константинов, зависело от мотивов поступления на службу, отношения к ним властей, сослуживцев, бытовых обстоятельств [Константинов, 2013, с. 53—54].

Исследователи единодушны, говоря о том, что Колчак столкнулся с противником, имевшим четкие цели и идеи, обладавшим мощной революционной мотивацией и волей к победе, хорошо понимающим, что борьба будет жесткой и потребует идти до победного конца. Диктатор руководствовался малопонятным большинству населения страны принци-

пом непредреждения. В. Ленин же предложил, подчеркивает В. С. Измозик, новую идею, объединяющую рядовых граждан, — идею социализма [Измозик, 2017, с. 483]. У большевиков, несмотря на военное поражение под Пермью, имелись как сторонники, так и противники на территории губернии. Нельзя отрицать, что большевистские взгляды продолжали проникать в умы людей. Становилось ясно, что общественный раскол имел глубинный характер, его невозможно было преодолеть военным путем, хотя исход войны еще не представлялся очевидным. На Урале, оказавшемся в центральной зоне военного конфликта, И. Нарский заметил процесс трансформации идентичности [Нарский, 2004, с. 222—223]. Он отстаивает идею дальнейшего исследования идентичностей на основе самых разных источников, предупреждая о неплотности объяснения советской истории путем заимствований из зарубежных изданий [Нарский, 2017, с. 162]. В. П. Булдаков убежден в перспективности изучения истории Гражданской войны на основе методологии исторической памяти и исторической травмы [Булдаков, 2007, с. 114—115]. Думается, предложенный им подход может способствовать исследованию гуманитарной сущности пермской трагедии. Многие проблемы, связанные с освещением Гражданской войны, по утверждению Ш. Фицпатрик, связаны с тем, что ученые продолжают рассматривать события, используя теорию классовой борьбы, в то время как логично ставить вопрос об изучении идентичности [Фицпатрик, 2011, с. 41]. Кроме того, исследователь делает вывод, что создаваемый историками образ человека в конкретных жизненных обстоятельствах является ненадежным и уязвимым, поэтому изучение процессов самоидентификации необходимо продолжить, используя новые теоретико-методологические подходы, расширяя источниковую базу темы, включая эгоисточники [Narsky, 2013].

8. Заключение

События на Восточном фронте 1918—1919 годов являются предметом пристального внимания историков, вызывая острые дискуссии. На повестку дня поставлен вопрос о переосмыслении имеющегося историографического ресурса. Термин «*Пермская катастрофа*» сегодня активно используется авторами с целью отражения всеобъемлющего негативного воздействия военных событий на все стороны жизни общества, сопровождающегося невосполнимыми утратами. Достижением является то, что пермская трагедия в настоящее время исследуется в контексте мировой истории, рассматривается как событие, ставшее преддверием решающих боев, как проявление целого комплекса военных, социально-экономиче-

ских, личностных проблем, приведших современников к мысли, что в войне должен победить тот, кто способен обеспечить надежный мир. Прогресс в изучении истории повседневности позволил обоснованно говорить об изменениях в настроении населения, сопровождающихся разочарованием как в белых, так и в красных. На основе источников исследователи приходят к выводу о том, что, несмотря на поражение под Пермью, вскоре стала проявляться растущая уверенность большевиков в победе и неспособность А. В. Колчака переломить ситуацию. Отказ от классового подхода стимулировал изучение кризисных моментов, в которые людьми решался вопрос о самоопределении. Феномен «Пермской катастрофы» необходимо переосмыслить с позиции понимания его как рубежного факта в истории противостояния сторон, во многом определившего дальнейший ход военных операций на Восточном фронте. Пермская трагедия нуждается в дальнейшем анализе, прежде всего, как гуманитарная катастрофа. Необходимо исследование вопросов трансформации идентичности, наметившейся зимой 1918—1919 годов, о которой уже говорят некоторые историки, так как этот процесс стал прологом самоопределения населения и приблизил завершение Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бордюгов Г. А.* Белое дело : идеология, основы, режимы власти : историографические очерки / Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков. — Москва : Русский мир, 1998. — 320 с.
2. *Будберг А.* Дневник белогвардейца / А. Будберг // Архив русской революции. — Москва : «ТЕРРА», 1993. — Т. 15—16. — С. 254—345.
3. *Булдаков В. П.* Война, породившая революцию / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2015. — 720 с.
4. *Булдаков В. П.* Революция и гражданская война как травма исторической памяти / В. П. Булдаков // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. — 2007. — Вып. 4. — С. 98—115.
5. *Булдаков В. П.* Революция, эмоции, политика : к переосмыслению событий 1914—1917 гг. / В. П. Булдаков // Политическая концептология. — 2017. — № 2. — С. 147—180.
6. *Васьковский О. А.* Историография и социально-политические проблемы истории Гражданской войны на Урале / О. А. Васьковский. — Свердловск : УрГУ, 1981. — 76 с.
7. *Васьковский О. А.* Современная историография истории Урала периода Гражданской войны (1918—1920) / О. А. Васьковский, А. Т. Тертышный. — Екатеринбург : УрГУ, 1984. — 94 с.
8. *Войтиков С. С.* Новейшая историография деятельности И. В. Сталина в годы Гражданской войны / С. С. Войтиков // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Востоковедение. — 2017. — № 8 (29). — С. 122—129.
9. *Войтиков С. С.* «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова / С. С. Войтиков // Военно-исторический журнал. — 2013. — № 8. — С. 19—25.

10. *Войтиков С. С.* «Председатель ЦК»: Я. М. Свердлов в политической борьбе 1918—начала 1919 года / С. С. Войтиков // Российская история. — 2014. — № 1. — С. 24—43.
11. *Волков Е. В.* «Русский Вашингтон» или сибирский диктатор? Образы и оценки А. В. Колчака как Верховного правителя в американской прессе (1918—1920) / Е. В. Волков, Д. Д. Ирвин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. — 2016. — Вып. 4. — С. 104—123.
12. *Волков Е. В.* А. В. Колчак как политик: образы и оценки Верховного правителя в британской прессе (1918—1920 годы) / Е. В. Волков, Д. Д. Ирвин // Новый исторический вестник. — 2016. — № 47. — С. 87—101.
13. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства / С. В. Волков. — Москва: Центрполиграф, 2002. — 509 с.
14. *Ганин А. В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком / А. В. Ганин. — Москва: Кучково поле, 2016. — 680 с.
15. *Голдин В. И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы / В. И. Голдин. — Мурманск: МГГУ, 2012. — 333 с.
16. *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914—1918 гг. / И. Н. Гребенкин. — Москва: АИРО—XXI, 2015. — 528 с.
17. *Долгова А. В.* Дезертирство из Красной армии и борьба с ним в 1918—1920 гг. как конфликт между властью и населением (на материалах Пермской губернии): автореферат диссертации... кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. В. Долгова. — Москва: РГГУ, 2016. — 26 с.
18. *Домовитова П. Я.* Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 г. — апрель 1919 г.) / П. Я. Домовитова // Вестник Пермского университета. — 2014. — Вып. 2 (25). — С. 42—50.
19. *Дубинин Д. В.* Участие Сталина в ликвидации последствий Пермской катастрофы / Д. В. Дубинин // Исторические науки. — 2009. — № 6. — С. 13—17.
20. *Журавлев В. В.* Поездка А. В. Колчака на фронт 26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн / В. В. Журавлев // Развитие территории. — 2017. — № 4 (10). — С. 24—35.
21. *Звягин С. П.* В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века / С. П. Звягин. — Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2012. — 342 с.
22. *Измозик В. С.* Общие вопросы истории революции: дискуссия / В. С. Измозик // Эпоха войн и революций 1914—1922: материалы международного colloquiuma. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. — С. 409—487.
23. *Камынин В. Д.* Уральская историографическая школа / В. Д. Камынин, Е. А. Цыпина // Известия Уральского государственного университета. Серия история 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2004. — Вып. 15. — № 29. — С. 67—75.
24. *Капцегович И. С.* Прикамье в огне Гражданской войны / И. С. Капцегович. — Пермь: Пермское книжное изд-во, 1969. — 132 с.
25. *Кенез П.* Западная историография гражданкой войны в России [Электронный ресурс] / П. Кенез // Россия XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. — Москва, 1996. — Режим доступа: <http://annales.info/rus/small/kenez.htm>.
26. *Кирмель Н. С.* Деятельность контрреволюционных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918—1922) / Н. С. Кирмель. — Москва: ВУ, 2007. — 136 с.
27. *Клерже Г. И.* Революция и Гражданская война. Личные воспоминания / Г. И. Клерже. — Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. — 544 с.

28. *Константинов С. И.* Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России / С. И. Константинов // Интеллигенция и мир. — 2013. — № 2. — С 37—59.
29. *Кручинин А. С.* Адмирал Колчак : жизнь, подвиг, память / А. С. Кручинин. — Москва : АСТ, 2010. — 540 с.
30. *Ларьков Н. С.* Сибирский белый генерал / Н. С. Ларьков. — Томск : Издательство Томского университета, 2017. — 312 с.
31. *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации / Б. Н. Миронов. — Москва : Весь мир, 2013. — 336 с.
32. *Модсли Э.* Поворот в Гражданской войне. Ноябрь 1918 / Э. Модсли // Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции / Э. Модсли. — Москва : Альпина нонфикшн, 2017. — С. 237—256.
33. *Московкин В. В.* Противоборство политических на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917—1921 гг.) / В. В. Московкин. — Тюмень : ТюмГУ, 2018. — 292 с.
34. *Нарский И. В.* Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917—1922 гг. / И. В. Нарский // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 20. — № 3 (178). — С. 44—58.
35. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 632 с.
36. *Нарский И. В.* Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский // Ab Imperio. — 2004. — № 2. — С. 222—223.
37. *Нарский И. В.* Октябрьская революция 1917 года в советской и российской коллективной памяти / И. В. Нарский // Вестник ВЭГУ. — 2017. — № 2 (88). — С. 151—164.
38. *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений : 1917—1922 / М. Г. Нечаев. — Пермь : УрГУ, ПГПУ, 2004. — 335 с.
39. *Облицов М. А.* Гражданская война в России : социально-экономические причины поражения белого движения / М. А. Облицов // Державинский форум. — 2018. — № 5. — С. 109—119.
40. *Обухов Л.* Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны (на примере газет г. Перми периода колчаковщины) / Л. Обухов // Власть. — 2012. — № 4. — С. 131—133.
41. *Пайпс Р.* Русская революция : В 3 кн. Россия под большевиками. 1918—1924 / Р. Пайпс. — Москва : Захаров, 2005. — Кн. 3. — 696 с.
42. *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых / П. П. Петров // Восточный фронт адмирала Колчака / Сост. С. В. Волков. — Москва : Центрполиграф, 2004. — С. 7—60.
43. *Петров Ю. А.* Великая Российская революция : проблемы исторической памяти / Ю. А. Петров // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2018. — № 1. — С. 6—9.
44. *Плотников И. Ф.* Смута / И. Ф. Плотников. — Уфа : Капитал, 1994. — 196 с.
45. *Полторак С. Н.* Современная историография Гражданской войны в России и перспективы ее развития / С. Н. Полторак // Проблемы истории и историографии : сборник докладов межвузовской научной конференции. — Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2014. — Т. 2. — С. 16—29.

46. *Поршнева О. С.* Власть и рабочие Урала : эволюция взаимоотношений в условиях Гражданской войны / О. С. Поршнева // Российская история. — 2013. — № 1. — С. 47—62.
47. *Ратьковский И. С.* «Пермская катастрофа» Красной армии и становление стратегии террора железного Феликса / И. С. Ратьковский // *Questio Rossia*. — 2016. — № 3. — С. 109—118.
48. *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.) / И. С. Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2018. — 512 с.
49. *Ратьковский И. С.* Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции / И. С. Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 512 с.
50. *Сахаров К.* Белая Сибирь. Борьба за власть / К. Сахаров. — Мюнхен : [б. и.], 1923. — 325 с.
51. *Симонов Д. Г.* Белая армия в 1918 году / Д. Г. Симонов. — Новосибирск : НГУ, 2010. — 610 с.
52. *Скипина И. В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале / И. В. Скипина. — Тюмень : ТюмГУ, 2003. — 276 с.
53. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! : Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 375 с.
54. *Хандорин В. Г.* Национальная идея адмирала Колчака / В. Г. Хандорин. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 624 с.
55. *Хлевнюк О. В.* Сталин. Жизнь одного вождя / О. В. Хлевнюк. — Москва : АСТ, 2015. — 464 с.
56. *Холквист П. С.* Тотальная мобилизация и политика населения : российская катастрофа (1914—1921) в европейском контексте / П. С. Холквист // Россия и Первая мировая война : материалы международного научного colloquiuma. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — С. 83—102.
57. *Шмелев А. В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918—1919 гг.) / А. В. Шмелев. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 266 с.

THE PHENOMENON OF “THE PERM DISASTER” OF 1918 IN THE ASSESSMENT OF MODERN RESEARCHERS OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

© **Irina V. Skipina (2020)**, orcid.org/0000-0001-7061-1403, SPIN 6537-8614, Doctor of History, professor, Department of Documentation System and Document Management, University of Tyumen (Tyumen, Russia), i.v.skipina@utmn.ru.

© **Vladimir V. Moskovkin (2020)**, orcid.org/0000-0001-8115-1975, SPIN 3864-6126, Doctor of History, researcher, Network Research Center “Man, Nature, Technologies”, University of Tyumen (Tyumen, Russia), v.v.moskovkin@utmn.ru.

The article is devoted to the peculiarities of presentation of the phenomenon of “Perm disaster” by modern researchers of the Civil War in Russia. The purpose of the article is to analyze publications published in the last decade on the history of the military operation near Perm in December 1918, to summarize and determine the prospects for studying this issue.

It is noted that historians have established the causes, course and results of the operation. It is reported that today it is seen as a prologue to a cardinal change in the situation on the Eastern Front. The authors claim that as a result of the Perm operation, contemporaries witnessed not only the defeat of the Red Army, but also the manifestation of the power of the Bolshevik dictatorship. The conclusions made by researchers are summarized: Permian events led to an aggravation of the military, socio-economic, and political situation on the Eastern Front and had a negative impact on everyday life. It is shown how modern historians have determined the significance of these events for their participants: the Bolsheviks came to the decision to intensify terror, the white — to the conclusion that a general offensive was necessary, the population — to the understanding of the world as the most important life value. It is emphasized that the most promising in the study of the topic has become an integrated approach based on the rejection of politicization and myth-making of the revolutionary past.

Key words: "Perm disaster"; Civil War; Kolchak; historiography; Red Army; Eastern front; the Bolsheviks; 1918.

REFERENCES

- Bordyugov, G. A., Ushakov, A. I., Churakov, V. Yu. (1998). *Beloye delo: ideologiya, osnovy, rezhimy vlasti: istoriograficheskiye ocherki*. Moskva: Russkiy mir.
- Budberg, A. (1993). Dnevnik belogardeytsa. In: *Arkhiv ruskoy revolyutsii, 15—16*. Moskva: «TERRA». 254—345.
- Buldakov, V. P. (2007). Revolyutsiya i grazhdanskaya vojna kak trauma istoricheskoy pamyati. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, 4*: 98—115.
- Buldakov, V. P. (2017). Revolyutsiya, emotsii, politika: k pereosmysleniyu sobyitiy 1914—1917 gg. *Politicheskaya kontseptologiya, 2*: 147—180.
- Buldakov, V. P., Leontyeva, T. G. (2015). *Vojna, porodivshaya revolyutsiyu*. Moskva: Novyy khronograf.
- Dolgova, A. V. (2016). *Dezertirstvo iz Krasnoy armii i borba s nim v 1918—1920 gg. kak konflikt mezhdru vlastyu i naseleniyem (na materialakh Permskoy gubernii): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva: RGGU.
- Domovitova, P. Ya. (2014). Problema «dvoevlastiya» na Urale v usloviyakh rezhima A. V. Kolchaka (dekabr' 1918 g. — aprel' 1919 g.). *Vestnik Permskogo universiteta, 2 (25)*: 42—50.
- Dubinin, D. V. (2009). Uchastiye Stalina v likvidatsii posledstviy Permskoy katastrofy. *Istoricheskkiye nauki, 6*: 13—17.
- Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvayte maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossi XX veka*. Moskva: ROSSPEN.
- Ganin, A. V. (2016). *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom*. Moskva: Kuchkovo pole.
- Goldin, V. I. (2012). *Grazhdanskaya vojna v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskiye protsessy*. Murmansk: MGGU.
- Grebenkin, I. N. (2015). *Dolg i vybor: Russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914—1918 gg.* Moskva: AIRO—XXI.
- Izmozik, V. S. (2017). Obshchiye voprosy istorii revolyutsii: diskussiya. In: *Epokha voyn i revolyutsiy 1914—1922: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. 409—487.

- Kamylin, V. D., Tsykina, E. A. (2004). Uralskaya istoriograficheskaya shkola. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 15 (29): 67—75.
- Kaptsugovich, I. S. (1969). *Prikamye v ogne Grazhdanskoj vojny*. Perm': Permskoye knizhnoye izd-vo.
- Kenez, P. (1996). Zapadnaya istoriografiya grazhdankoj vojny v Rossii. In: *Rossiya XIX—XX vv. Vzglyad zarubezhnykh istorikov*. Moskva. Available at: <http://annales.info/rus/small/kenez.htm>.
- Khandorin, V. G. (2017). *Natsionalnaya ideya admirala Kolchaka*. Moskva: Russkij fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
- Khlevnyuk, O. V. (2015). *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya*. Moskva: AST.
- Kholkvist, P. S. (1999). Totalnaya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914—1921) v yevropejskom kontekste. In: *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 83—102.
- Kirmel', N. S. (2007). *Deyatel'nost' kontrrevolyutsionnykh organov belogvardejskikh pravitelstv i armij v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii (1918—1922)*. Moskva: VU.
- Klerzhe, G. I. (2012). *Revolyutsiya i Grazhdanskaya vojna. Lichnye vospominaniya*. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
- Konstantinov, S. I. (2013). Spetsifika Grazhdanskoj vojny v Uralo-Povolzhskom regione i voyennaya intelligentsiya Rossii. *Intelligentsiya i mir*, 2: 37—59.
- Kruchinin, A. S. (2010). *Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat'*. Moskva: AST.
- Larkov, N. S. (2017). *Sibirskij belyj general*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta.
- Mironov, B. N. (2013). *Strasti po revolyutsii. Nravny v rossijskoj istoriografii v vek informatsii*. Moskva: Ves' mir.
- Modslj, E. (2017). Povорот в Гражданской войне. Ноябрь 1918. In: *Istoricheskaya neizbezhnost'?' Klyuchevyye sobytiya russkoj revolyutsii*. Moskva: Alpina nonfikshn. 237—256.
- Moskovkin, V. V. (2018). *Protivoborstvo politicheskikh na Urale i v Zapadnoj Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoj vojny (1917—1921 gg.)*. Tyumen': TyumGU.
- Narskij, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917—1922 gg.* Moskva: ROSSPEN.
- Narskij, I. V. (2004). Konstruirovaniye mifa o grazhdanskoj vojne i osobennosti kollektivnogo zabyvaniya na Urale v 1917—1922 gg. *Ab Imperio*, 2: 222—223.
- Narskij, I. V. (2017). Oktyabrskaya revolyutsiya 1917 goda v sovetskoj i rossijskoj kollektivnoy pamyati. *Vestnik VEGU*, 2 (88): 151—164.
- Narskij, I. V. (2018). Grazhdanskaya vojna, migratsiya i gumanitarnaya katastrofa v Rossii 1917—1922 gg. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 20 (3 / 178). 44—58.
- Nechayev, M. G. (2004). *Tserkov' na Urale v period velikikh potryaseniy: 1917—1922*. Perm': UrGU, PGPU.
- Oblitsov, M. A. (2018). Grazhdanskaya vojna v Rossii: sotsialno-ekonomicheskiye prichiny porazheniya belogo dvizheniya. *Derzhavinskij forum*, 5: 109—119.
- Obukhov, L. (2012). Periodicheskaya pechat' kak istochnik po istorii Grazhdanskoj vojny (na primere gazet g. Permi perioda kolchakovshchiny). *Vlast'*, 4: 131—133.

- Payps, R. (2005). *Russkaya revolyutsiya: V 3 kn. Rossiya pod bolshevikami. 1918—1924, 3*. Moskva: Zakharov.
- Petrov, P. P. (2004). Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh. In: *Vostochnyy front admiral Kolchaka*. Moskva: Tsentrpoligraf. 7—60.
- Petrov, Yu. A. (2018). Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya: problemy istoricheskoy pamyati. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo universiteta, 1*: 6—9.
- Plotnikov, I. F. (1994). *Smuta*. Ufa: Kapital.
- Poltorak, S. N. (2014). Sovremennaya istoriografiya Grazhdanskoj vojny v Rossii i perspektivy yeye razvitiya. In: *Problemy istorii i istoriografii: sbornik dokladov mezvuzovskoj nauchnoj konferentsii, 2*. Sankt-Peterburg: SPbGUT. 16—29.
- Porshneva, O. S. (2013). Vlast' i rabochiye Urala: evolyutsiya vzaimootnosheniy v usloviyakh Grazhdanskoj vojny. *Rossiyskaya istoriya, 1*: 47—62.
- Ratkovskiy, I. S. (2016). «Permskaya katastrofa» Krasnoj armii i stanoveniye strategii terrora zheleznogo Feliksa. *Questio Rossia, 3*: 109—118.
- Ratkovskiy, I. S. (2017). *Khronika krasnogo terrora VChK. Karayushchiy mech revolyutsii*. Moskva: Algoritm.
- Ratkovskiy, I. S. (2018). *Khronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917 — 1920 gg.)*. Moskva: Algoritm.
- Sakharov, K. (1923). *Belaya Sibir'. Borba za vlast'*. Myunkhen: [b. i.].
- Shmelev, A. V. (2017). *Vneshnyaya politika pravitelstva admiral Kolchaka (1918—1919 gg.)*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Simonov, D. G. (2010). *Belaya armiya v 1918 godu*. Novosibirsk: NGU.
- Skipina, I. V. (2003). *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoj vojny na Urale*. Tyumen': TyumGU.
- Vaskovskiy, O. A. (1981). *Istoriografiya i sotsialno-politicheskiye problemy istorii Grazhdanskoj vojny na Urale*. Sverdlovsk: UrGU.
- Vaskovskiy, O. A., Tertyshnyy A. T. (1984). *Sovremennaya istoriografiya istorii Urala perioda Grazhdanskoj vojny (1918—1920)*. Ekaterinburg: UrGU.
- Volkov, S. V. (2002). *Tragediya russkogo ofitserstva*. Moskva: Tsentrpoligraf.
- Volkov, E. V., Irvin, D. D. (2016). A. V. Kolchak kak politik: obrazy i otsenki Verkhovnogo pravatelya v britanskoj presse (1918—1920 gody). *Novyy istoricheskij vestnik, 47*: 87—101.
- Volkov, E. V., Irvin, D. D. (2016). «Russkij Vashington» ili sibirskiy diktator? Obrazy i otsenki A. V. Kolchaka kak Verkhovnogo pravatelya v amerikanskoj presse (1918—1920). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya, 4*: 104—123.
- Voytikov, S. S. (2013). «Permskaya katastrofa» Lva Trotskogo i Yakova Sverdlova. *Voyenno-istoricheskij zhurnal, 8*: 19—25.
- Voytikov, S. S. (2014). «Predsedatel' TsK»: Ya. M. Sverdlov v politicheskoy borbe 1918 — nachala 1919 goda. *Rossiyskaya istoriya, 1*: 24—43.
- Voytikov, S. S. (2017). Noveyshaya istoriografiya deyatelnosti I. V. Stalina v gody Grazhdanskoj vojny. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Vostokovedeniye, 8 (29)*: 122—129.
- Zhuravlev, V. V. (2017). Poyezdka A. V. Kolchaka na front 26 fevralya 1919 g.: ideologicheskij dizayn. *Razvitiye territorii, 4 (10)*: 24—35.
- Zvyagin, S. P. (2012). *V. N. Pepelyayev: sudba liberala iz Sibiri v nachale XX veka*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo un-ta.